

ФОНОЛО́ГИЯ

Авторы: В. А. Виноградов

ФОНОЛО́ГИЯ (от *фоно...* и *...логия*), раздел *языкознания*, изучающий звуковой строй языка в его современном состоянии (синхроническая Ф.) и в истории (диахроническая, или историческая, Ф.). В отличие от собственно *фонетики*, изучающей речь в её акустико-артикуляц. аспекте, Ф. сосредоточивается не на физич., а на функциональных характеристиках звуковых единиц (при этом термин «фонетика» иногда употребляется как родовой, покрывая и то, что относится к Ф.). Как и др. термины, обозначающие разделы лингвистики («грамматика», «морфология», «синтаксис»), термин «Ф.» одновременно означает и определённый фрагмент (ярус) *системы языковой*, т. е. применяется и к объекту изучения, и к его науч. модели.

В целом можно сказать, что Ф. изучает различия и тождество звуковых элементов языка, значимое в плане выполнения ими трёх функций: дистинктивной, делимитативной и кульминативной. Важнейшая из них – дистинктивная (различительная) функция – связана с фонетич. опознаванием и семасиологическим (см. *Семасиология*) отождествлением (отличением) значимых единиц языка – *слов, морфем*. В соответствии с этим дистинктивная функция может расщепляться на перцептивную (опознавательную) и сигнификативную (смыслоразличительную) функции; в сфере перцептивной функции звуковые элементы связаны отношением контраста, в сфере сигнификативной функции – отношением *оппозиции языковой*. Первые принадлежат одному инварианту в качестве его вариативной области; вторые принадлежат разным инвариантам. Напр., в исп. яз. звуки [b] – [β] и [d] – [ð] находятся в отношении контраста, а [b] – [d] и β – [ð] – в отношении оппозиции. Делимитативная (разграничительная) функция связана с сигнализацией границ слов и морфем: звуковые элементы могут использоваться как пограничные сигналы – положительные (сигнал наличия границы, или стыка) и отрицательные (сигнал отсутствия границы). Это оказывается возможным благодаря разл. ограничениям на встречаемость тех или иных звуковых элементов в речевых последовательностях. Напр., начало слова отмечено фиксированным ударением в чеш. яз. и кнаклаутом (твёрдым приступом) в нем. яз. (примеры положительных пограничных сигналов), в исходе слова невозможен любой шумный согласный (кроме s) в др.-греч. яз., поэтому шумные согласные в нём служат отрицательными пограничными сигналами, указывая на отсутствие конца слова. Кульминативная функция состоит в обеспечении целостности и выделенности слова; это достигается, напр., благодаря ударению или *сингармонизму*.

Ф. охватывает явления, относимые к двум подуровням звукового строя. Сегментный уровень [просодический (см. *Суперсегментные единицы языка, Просодические средства языка, Просодия*)] содержит единицы, выделяемые на основе т. н. двойного лингвистич. членения (сегментации) – с опорой на план содержания [*предложение* – *синтагма (словосочетание)* – *словоформа* – *морф* – *фонема*] и с опорой на план выражения [*фраза* – фонетич. слово (речевой такт) – *слог* – звук]. Единицы второго ряда в целом выступают по отношению к единицам первого ряда как их реализация в речи, хотя однозначного соответствия между ними нет. Суперсегментный уровень содержит единицы, определяемые относительно сегментных единиц, превышающих минимальную, в связи с чем говорят о просодии слога, слова, фразы (см. *Акцентология*).

Осн. единица сегментного уровня – фонема, реализующаяся в речи в виде конкретных звуков (аллофонов). Большинство языков (в т. ч. русский) описываются в терминах фонем, но есть языки (напр., распространённые в Юго-Вост. Азии – кит., бирм. и др.), для которых функционально минимальной считается более крупная единица – силлабема, соответствующая в фонетич. отношении слогу «фонемных» языков.

Подобно др. [единицам языка](#), фонемы имеют 2 способа существования – в системе и в тексте, в связи с чем различаются фонологич. [парадигматика](#) и фонологич. [синтагматика](#).

Центр. понятие фонологич. парадигматики – оппозиция фонем, фонологич. синтагматики – позиция фонемы в составе семиологич. и фонационных единиц: первые (морфемы) являются контекстом семиотич. функционирования фонем, вторые (фонетич. слово, слог) – контекстом их физич. реализации. Позиция в целом определяется как условие реализации фонем в плане сохранения ими своей тождественности (отличимости). Существуют 2 типа позиций – конститутивные (определяющие реализацию фонем в зависимости от их места в структуре более крупной единицы, напр. в ударном или безударном слоге слова) и комбинаторные (определяющие реализацию фонем в зависимости от их непосредств. фонетич. окружения, напр. гласные после твёрдых и мягких согласных в рус. яз.). С функциональной точки зрения различаются сильные и слабые позиции, в зависимости от того, способствуют ли они или затрудняют выполнение фонемой сигнификативной и перцептивной функций (см. [Московская фонологическая школа](#)).

При фонологич. описании языка синтагматич. идентификация фонем предшествует их парадигматич. упорядочению. Фонемная идентификация осуществляется на основе позиц. анализа звуков, приводящего к группировке их в альтернативные ряды (ряды взаимоисключающих в одной и той же позиции звуков), каждый из которых представляет отд. фонему (см. [Чередование](#)), и субституционные ряды (ряды взаимозаменяемых в одной и той же позиции звуков), представляющие разные фонемы. Напр., в формах [дом] – [дамá] и [том] – [тамá] звуки [д] – [т] входят в субституционный ряд, реализуя фонемы /т/ – /д/, маркирующие различие слов, а звуки [о] – [а] 1-го слога входят в альтернативный ряд, образуя позиционные разновидности фонемы /о/. Важное место в синтагматич. Ф. занимает фонотактика – выявление закономерностей сочетания фонем; эта задача нередко решается с привлечением аппарата статистич. анализа.

Фонологич. парадигматика строится как система фонемных оппозиций, среди которых выделяются 2 осн. типа – дизъюнкции (противопоставления по нескольким основаниям) и корреляции (противопоставления по одному основанию). Напр., в англ. *sin* 'грех' – *win* 'выиграть' оппозиция /s/:/w/ дизъюнктивна, а в *tale* 'рассказ' – *dale* 'долина' оппозиция /t/:/d/ коррелятивна. Корреляции образуют ядро фонологич. системы, они обычно пропорциональны, т. е. охватывают целые серии фонем (напр., корреляция по глухости-звонкости), и во мн. языках подвержены нейтрализации, т. е. синтагматич. снятию противопоставленности. Оппозиции могут оцениваться с точки зрения их функциональной нагрузки, мерой которой является как число миним. пар, т. е. число слов (морфем), различаемых только данной парой фонем, образующих оппозицию, так и число мест (позиций), занимаемых членами оппозиции в синтагматич. цепи.

Анализ оппозиций осуществляется с помощью набора преим. бинарных различительных признаков (РП), физич. субстратом которых являются артикуляц. и/или акустич. свойства звуков (напр., огублённость – неогублённость, резкость – нерезкость); см. [Дифференциальные признаки](#). По своему проявлению РП делятся на ингерентные (ограниченные фонемой) и просодические (проявляющиеся в сегментах, превышающих фонему). Это деление

условно, т. к. один и тот же признак может в одном языке быть ингерентным, в др. языке – просодическим (суперфонемным). Напр., долгота – ингерентный РП гласных в нем. яз. и просодический (слоговой) – в [балтийских языках](#).

Существует также функциональная классификация РП на дифференциальные (обеспечивающие противопоставленность данной фонемы хотя бы одной другой) и интегральные (не создающие фонемной оппозиции). Один и тот же признак может быть дифференциальным для одних фонем и интегральным для других; напр., глухость в рус. яз. дифференциальна для /к/ (есть оппозиция с /г/) и интегральна для /х/. В др. аспекте можно говорить о необходимых и избыточных РП: первые, в отличие от вторых, не предсказываются автоматически по др. признакам. Напр., в рус. [вокализме](#) признак огублённости однозначно предсказывает признак заднерядности (парадигматич. избыточность); такие отношения признаковой детерминации наблюдаются по языкам и для синтагматики (фонотактики). В операциональном плане различают первичные РП (имеющие реальный физич. субстрат) и покрывающие РП (обобщённые признаки, охватывающие неск. первичных).

Принципы сегментной Ф. в целом применимы и к суперсегментному уровню, для которого нет, однако, столь же общепризнанной единицы, как фонема. Иногда пользуются общим понятием «просодема», предлагались более конкретные единицы – интонема (для [интонации](#)), тонема (для [тона](#)), стронема (для [ударения](#)), хронема (для долготы), но в употреблении остались лишь 2 первых термина. Трудности выделения суперсегментных единиц обусловлены тем, что материально они часто эквивалентны одному признаку (напр., долгота, высота тона), тогда как фонема – всегда комплекс признаков. Закономерности суперсегментного уровня изучены по языкам меньше, чем сегментного.

Спорным в Ф. остаётся понимание её статуса среди др. разделов языкознания. Для одних школ и направлений Ф. автономна [лондонская школа, [ленинградская \(петербургская\) фонологическая школа](#), амер. [дескриптивная лингвистика](#)], для других – в той или иной степени подчинена [грамматике](#) (моск. фонологич. школа, [генеративная лингвистика](#)); признание автономности Ф. ведёт к выделению особого раздела – [морфонологии](#) со своей единицей – морфонемой.

Ф. появилась в России в 1870–80-х гг. 19 в.; её создатель – И. А. [Бодуэн де Куртенэ](#) (см. также [Казанская лингвистическая школа](#)); в формировании общей теории Ф. велика роль Л. В. [Щербы](#), Н. Ф. [Яковлева](#), Н. С. [Трубецкого](#), Р. О. [Якобсона](#). Как самостоят. дисциплина окончательно оформилась в 1930-х гг. в Европе ([пражская лингвистическая школа](#), лондонская школа Д. Джоунза) и в США (как раздел дескриптивной лингвистики).

В отеч. языкознании сложились 2 фонологич. школы – ленинградская (петербургская) и московская, осн. различие между которыми состоит в том, что для первой в центре внимания находится различие звуковых оболочек значимых единиц языка, а для второй – тождество этих единиц. Поэтому идентификация фонем в ленингр. школе опирается на фонетич. самотождественность, а в московской – на семиотич. самотождественность фонем как компонентов морфем.

В 1930-х гг. зародилась и диахронич. Ф. как результат переноса фонологич. принципов в историч. фонетику на базе системного подхода к языку (Е. Д. [Полузанов](#), Р. О. Якобсон, позднее – А. [Мартинэ](#)). В отеч. языкознании теория диахронич. Ф. развивается в трудах М. И. [Стеблина-Каменского](#), В. Я. Плоткина, Г. С. Клычкова, М. В.

Раевского, а на основе концепции моск. фонологич. школы – В. К. Журавлёвым, О. С. Широковым, Л. Л. Касаткиным. За рубежом в диахронич. Ф. широко проникли идеи генеративной Ф., которая в США возникла как попытка преодоления структуралистского схематизма и статичности дескриптивной лингвистики. В центре внимания генеративной Ф. – правила преобразования исходных символов морфем в фонетич. запись; осн. единица, на которой базируются правила, – РП. Генеративная Ф. в её каноничном виде создана Н. [Хомским](#) и М. [Халле](#) (1968), но сразу же появились ответвления и контртеории, подвергающие пересмотру основы генеративизма в Ф., в результате чего в 1970-х гг. сложилась т. н. естеств. Ф., также представленная разл. течениями. Её осн. принцип – ориентация на реального, а не идеального говорящего, а отсюда – разработка правил, лишённых абстрактных допущений (т. н. глубинных единиц) и оперирующих наблюдаемыми элементами. Генеративная и естеств. Ф. нашли сторонников и в Европе, но в целом здесь господствуют разновидности Ф., близкие к пражской.

Литература

Лит.: Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956; Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960; Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2; Дукельский Н. И. Принципы сегментации речевого потока. М.; Л., 1962; Бодуэн де Куртенэ И. А. Избр. труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1–2; Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967; он же. Современный русский язык: Фонетика. 2-е изд. М., 2009; Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968; Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970; Jakobson R. Selected writings. 2nd ed. The Hague, 1971. Vol. 1; Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972; Ladefoged P. Preliminaries to linguistic phonetics. Chi.; L., 1973; Pilch H. Phonemtheorie. 3. Aufl. Basel, 1974. Bd 1; Hyman L. M. Phonology: theory and analysis. N. Y., 1975; Jones D. The phoneme: Its nature and use. 3rd ed. Camb. a. o., 1976; Foley J. Foundations of theoretical phonology. Camb.; N. Y., 1977; Hagège C., Haudricourt A. La phonologie panchronique. P., 1978; Goldsmith J. A. Autosegmental phonology. N. Y.; L., 1979; Altmann G., Lehfeldt W. Einführung in die quantitative Phonologie. Bochum, 1980; Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981; она же. Фонетика современного русского языка. СПб., 1998; The structure of phonological representations. Dordrecht; Cinnaminson, 1982. Vol. 1–2; Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983; Dausen A. Grundbegriffe der Phonologie. Synchrone Beschreibung des Phonems und Modelle diachronischer Betrachtung. Stuttg., 1985; Dependency and non-linear phonology. L. [a. o.], 1986; Chomsky N., Halle M. The sound pattern of English. Camb.; L., 1991; Зиндер Л. Р. Теоретический курс фонетики современного немецкого языка. СПб., 1997; он же. Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд. М.; СПб., 2007; Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Современная американская фонология. 2-е изд. М., 2004; Журавлев В. К. Диахроническая фонология. 2-е изд. М., 2004; Трубецкой Н. С. Основы фонологии. 4-е изд. М., 2012; Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. 3-е изд. М., 2014.